

новые
переводы

Предшественники Вийона

На французских готических гобеленах человеческие фигуры, предметы и звери располагаются на фоне, затканном бесчисленными цветами самой разной формы, — узор носит название «мильфлёр», что означает по-французски «тысяча цветов». Изысканный, никогда не повторяющийся, он варьирует одну и ту же тему на тысячи ладов, доставляя радость и художнику, и зрителю.

Французская средневековая лирика писалась по отработанным канонам. Как в иконописи, где индивидуальность художника открывается только для глаза, знакомого с «законами жанра», так и здесь то немногое личное, что пока еще робко пытается выразить средневековый поэт, сплетается в прихотливом узоре с традиционными, варьируемыми по-разному темами и словами. Непременным условием поэтического творчества в те времена являлось то, что мы теперь назвали бы профессионализмом, «технической оснащённостью», а тогда не называли никак, поскольку без этого не было поэта.

Восприятие французской средневековой лирики во всей ее цельности, как это ни странно, мешает Франсуа Вийону, который, как Бах в музыке, вообрал все, что было накоплено веками, и претворил в такое органичное целое, что слово еще не все достижения предшественников. Однако XX век все внимательнее вслушивается, все глубже вникается в добаховскую музыку. Столь же не случайно и пристален нынешний интерес французам — и не только французам — к тем поэтам, которые были прямыми предшественниками одного из величайших поэтов Франции.

Наш интерес к искусству средних веков носит не только культурно-исторический характер. Основы средневековой лирики — суховатая однозначность слова, простота и прямота эмоций, особая «чистота тона», заставляющая вспомнить кинжальные миниатюры того времени. От виртуозной игры рифмами, от, казалось бы, незатейливых сплетений слов исходит такая неподдельная радость творчества, такое духовное здоровье, что мы поневоле заражаемся этой веселой и глубокой ясностью.

Надо добавить, что французская поэзия от самых своих истоков особым образом относится к языку, тут слова сами по себе — такой же объект поэзии, как мысли и чувства. И средневековая лирика Франции — та же «латинская», по определению Цветаевой, поэзия, для которой важна прежде всего «формульность». Слова сопрягаются друг с другом, как соединяются в знаменитых лимонских эмалях медь, драгоценные камни и финифть, а в резных изделиях

из кости — срезы, углы и заострения; средневековый мастер все время «играет материалом».

Эта черта несколько отгораживает стихи от нашего восприятия, привыкшего искать в поэзии прежде всего лирический импульс, духовный заряд поэтической мысли. Но мы уже подготовлены для такой «формульной», безличной поэзии — обжито и освоено словесное пространство лирики немецких миннезингеров и провансальских трубадуров. И к тому же русская культура всегда была системой открытой и охотно абсорбиала в себя высокие достижения чужеземных культур, в процессе освоения отчетливо выявляя свою особенность, самобытность.

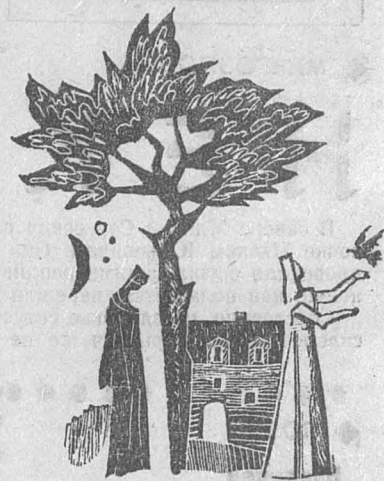
Три «столпа» французской лирики зрелого средневековья, трех веков готики — «разночинец», поэт школярского толка Рютбёф (XIII век), высокоученый стихотворец и сочинитель музыки Гийом де Машо (XIV век) и завершитель куртуазной лирики — вельможный Карл, герцог Орлеанский (XV век).

Чтобы лучше представить себе жизнь Рютбёфа (ок. 1230 — 1285), вспомним хрестоматийный образ поэта Грегора из «Собора Парижской богоматери» Гюго. Обладая изрядным запасом университетских знаний, Рютбёф всю жизнь промышлял литературным трудом: писал погребальные плачи и жизнеописания святых по заказу знатных особ, диалоги и мистерии. Связь с городской беднотой как бы автоматически выводит его в прямые предшественники Вийона.

Куртуазность, приверженность рыцарскому идеалу высокой любви пронизывают все творчество Гийома де Машо (ок. 1300 — 1377) — поэтическое и музыкальное. В добаховской музыке, кстати, ему принадлежит одно из самых почетных мест. Современники называли его «земным богом неземных созвучий»: игравая, виртуозная броскость его стихов поистине ослепительна.

Последний в этом ряду — Карл Орлеанский (1394 — 1465). Как пишет о поэте один из исследователей, «человек с нежной, любящей, но не особенно энергичной душой, он должен был принимать участие в кровавых междоусобицах своего времени». В стихах, написанных и во время почти четвертьвекового заточения в Англии, и в годы светских развлечений в фамильном замке Блуа, царят грация и легкость, изящество и естественность интонации. В творчестве Карла словесная игра достигает совершенства и одновременно как бы заходит в тупик...

Сегодня «Литературная Россия» предлагает вниманию читателей подборку стихотворений этих трех поэтов.

Карл ОРЛЕАНСКИЙ

Пусть выйдут в холод эти фаты,
Займутся ловлей на манок!
Клянусь, у них нутро в комок
Сожмет мороз молодцеватый.

В рукав, изрезанный стократы,
Пролезет стужа под шумок —
Пусть выйдут в холод эти фаты!

Башмак широк, и рыхлой ватой
Приподнят загнутый носок,
Но задник срезан. Холод — скок!
И покушает их за пятю.
Пусть выйдут в холод эти фаты!

Надежда? Нет о ней известный.
— Кто это говорит? — Тоска,
— Но лжет она наверняка,
— Я отрицаю. — В спор не лезть!

— Не верю, но, сказать по чести,
Молва идет издадека.
Надежда? Нет о ней известный.
— Кто это говорит? — Тоска.

Я б знал, что плеть на вашем месте,
— Так что? — О чем и мысль сладка,
— Мне невдомек. — Прошу пока
Придумать что-нибудь из лести.
Надежда? Нет о ней известный.

Я соколиной тешился охотой,
Пытаясь сбросить ношу безразличья.
Стремглав летало сердце, мысли кличка,
За облака, освобождаясь от гнета.

Воспоминанье-сокол било с лета
Любую дичь, везде ища добычи.
Я соколиной тешился охотой,
Пытаясь сбросить ношу безразличья.

Сума Былого, словно медом соты,
Была полна изысканнейшей дичью.
Последним пал в мою копилку птичью
Фазан Надежды с нежной позолотой.
Я соколиной тешился охотой.

С французского.
Перевод Алексея ПАРИНА

Рисунки А. ГОЛИЦЫНА

РЮТБЁФ О бедности Рютбёфа

С чего начать, я не пойму.
Мне не объять несчастий тьму —
На бедность не найти управы.
К вам, властелину моему*,
Тяну я руки и суму
Не ради лести и забавы.
На счет чужой я жил на славу,
Я брал налево и направо,
Пришел конец житью тому:
Бедняк богатим не по нраву.
Вы вновь покинули державу,
А кроме вас, идти к кому?
Дороговизна и семья —
От ртов открытых нет житья —
Меня раздели впрямь до нитки.
Ни дров, ни хлеба, ни тряпья
Не даст мне ни одна свинья:
На скупость люди стали притки.
От смерти я терплю убытки
(О мой король, нет хуже пытки):
Пустились все мои друзья
За вами вслед, собрав пожитки,
В Тунис, где лютый враг в избытке,
Где люд опаснее зверья.
Сир, если вас не улещу,
Себе такого не прошу —
Где я найду и стол, и ложе?
Подмоги нет, как ни ищу.
Трещит мороз — я трепещу.
На смерть такая жизнь похожа.
Укрыться нечем — корчусь в дрожи.
Нет бедняка меня убоже.
К кому моления обращаю?
Жестка солома, ну так что же?
Хоть на соломе спать негоже,

Солому я в постель тащу.
Сир, о себе я шлю вам весть:
Клянусь, мне не на что поесть.
Полным-полно добра в Париже,
Да только я его не вижу.
Нет ни подушки, ни полушки.
Такая бедность — не игрушки:
От голода концы отдашь,
И не поможет «Отче наш».
Настали злые времена,
Семья моя разорена.
Молитве не коснуться уст.
Мой дом непоправимо пуст.

Гийом де МАШО

Со светом я хочу расстаться,
Где светлой дамы ярост свет.

Со светом я хочу расстаться,
А сердцу хочется остаться.
Умру без сердца, может статься,
Я только в смерти вижу свет.
Со светом я хочу расстаться,
Где светлой дамы ярост свет.

Коли Колетта взялась за Колена,
Силы Колена попали в силко.
Коли Колетта взялась за Колена,
Пленный Колен не спасется от плена!
Бедный Колен вот уж встал на колена,
Спутал силко разуменье и слог,
Коли Колетта взялась за Колена,
Силы Колена попали в силко.

О тех, у кого нет денег

С отрадами расстанься, коли хвор
И боль терзает кости и хрящи,
Коль ноет зуб, владычеству мор,
Неизвестствуют палки и пращи.
Болезнь поди попробуй улещи!
Но будь ты невредим и здоровенек,
Нет лиха злей, чем недостаток денег.
С судьбой своей я не вступаю бы в спор,
Когда б изрыли кожу мне свищи,
Томили золотуха и запор
Или чесались на лице прыщи,
Когда б кусали мухи и клещи.
Да вот беда: своей мощны я пленник.
Нет лиха злей, чем недостаток денег.
Когда их нет, вся жизнь —

что грязный сор.

От злой тоски спасенья не ищи:
Друзья стыдливо опускают взор,
И сторонятся наглые хлыщи,
И нет былых отряд — ищи-свищи!
Ведь знает честный малый и мошеники
Нет лиха злей, чем недостаток денег.

* Стихотворение обращено к королю Франции Людовику Святому, находившемуся в это время в крестовом походе.